

Баку. Нефтяные вышки, 1934 г. (Кравченко А.И.)

Баку. Нефтяные вышки, 1934 г. (Кравченко А.И.)

«ГДЕ НЕФТЯНЫЕ БЬЮТ ФОНТАНЫ»...

АЛЕКСЕЙ ШУЛЬГИН

«Нефтегазовая Вертикаль»

Как много скрывается за этими несколькими суховатыми словами. Как сон уже для меня самого кажутся четыре года работы в нефтяных компаниях (в специализированных журналах). Приходилось бывать на промыслах, в глухих, отрезанных от цивилизации местах, где зимой добираются до базы по зимнику, а летом – только по воздушному пути на вертолетах, где люди по полгода вахтами работают на буровых... Видел я гигантские нефтеперерабатывающие заводы, где воздух насквозь пропитан неприятным запахом сероводорода. Неизгладимым впечатлением стал для меня перелет из Печоры в Ухту, когда уже темнело, летчики торопились успеть затемно, подняли вертолет, полетели; над бескрайней тайгой вдруг показался зловещий огонь – это горел сжигаемый попутный газ. Одинокий страшный факел отчего-то потряс и запомнился мне сильнее, чем все четыре года работы. Это видение и сейчас живет со мной.

Еще 15 лет назад мне очень захотелось написать о художниках, которые, как я сам, были потрясены нефтепромыслами и заболели нефтяной темой. К моему удивлению таких оказалось довольно много, среди них мелькали имена любимых и уважаемых мною людей. Тут уж отпали все сомнения, мне захотелось написать этот очерк.

Совершивший в 1858 году свое путешествие по России Александр Дюма, описывая свое посещение Баку, поражен видами нефтяных промыслов Биби-Эйбата, храма огнепоклонников в Сураханах. «Многие точки земли порождают нефть, но в таком изобилии она существует только в Баку и его окрестностях. Везде вокруг города, по всему побережью Каспийского моря вырыты колодцы глубиной от 3 до 20 м. Сквозь глинистый мергель, пропитанный нефтью, 100 из этих колодцев выделяет черную нефть, 15 – белую. Из них извлекается почти 100 тысяч центнеров нефти в год. Эта нефть отправляется в Персию, в Тифлис и в Астрахань» – пишет знаменитый француз. Путешественников завораживала картина: море, нефтяные вышки, что-то инородное, мрачное, фантазмагоричное и романтическое.

Долгое время нефть не имела того демонического влияния на умы и экономику, каким обладает сегодня. Только в XX веке нефть стала больше, чем сырье, нефть начала делать политику и править миром. Нефтяная тема использовалась в агитации. Советский, полузабытый сейчас поэт Демьян Бедный писал уже в 1927 году:

«Нью-йоркские банкиры и дельцы
Доселе Мексику держали под уздцы:
Нет стран для них приманчивей, чем страны,
Где нефтяные бьют фонтаны».

Но интереснее письмо Иосифа Сталина, которое тот отправил придворному баснописцу еще раньше, в 1924 году, где среди прочего замечал: «Советую Вам устроить «на Баку гулялся», – это необходимо. Тифлис не так интересен, хотя он внешне более привлекателен, чем Баку. Если Вы не видели еще лесов нефтяных вышек, то Вы «не видели ничего». Уверен, что Баку даст Вам богатейший материал для таких жемчужинок, как «Тяга».

Чем же поражал Баку? В забытом журнале «Красная панорама» за 1930 год М. Тележников писал: «Баку – не Город ветров, он Город – нефти. Но не такой, каким знали его одиннадцатый и двенадцатый века, когда к нефтяному берегу сурового Гирканского моря в волны и ветер шли досчатые персидские ладьи, чтобы, наполнив здесь меха темной жидкостью целебных подземных источников – «нефть» в переводе с персидского означает источник – пуститься с дорогим грузом назад, вновь отдавая свою жизнь прихоти стихий. И не такой, каким создала его стихия биржи, эпоха тысячепроцентных дивидендов

Ко Дню нефтяника

**Уважаемые коллеги,
друзья, читатели!
С профессиональным
праздником!**

Вот и наступил сентябрь, и в первое воскресенье мы традиционно отмечаем День работников нефтяной и газовой промышленности.

От лица редакционного совета «Нефтегазовой Вертикали» и от себя лично поздравляю всех работников нефтяной и газовой промышленности и ветеранов отрасли с профессиональным праздником!

Для нашей Родины нефть и газ – не просто топливо, это энергетическая безопасность государства, основа развития экономики страны. Сегодня перед отраслью стоит непростая задача противостоять антироссийским санкциям и максимально нарастить импортозамещение. Уверен, что мы справимся с этой задачей и докажем, что можем выдержать любые испытания.

Искренне желаю всем крепкого здоровья, удачи и семейного благополучия! С праздником вас, дорогие друзья!

Ротшильдов, Нобилей и Манташевых, безропотной нищеты амшары – рабочих – персидскоподанных, гонимых с родины... Нефтяные залежи оцепили город, прижав к бухте. Если смотреть отсюда туда, где золоченой стрелкой сбегает к зеленой воде лысый берег Зыха, увидишь, как с моря, высоко подняв острые носы и краснея подводной суриковой грудью, идут порожняком пароходы. У наливных пристаней они соединяются с берегом тяжелыми трубами и глотают нефть, пока не осядут черные бока их по нужную отметку. Тогда в обратный путь, к Астрахани. Спешка. Перевезти надо много, о таких цифрах до войны не думали, сроки коротки, – пока не стала Волга, столбовая дорожка нефти в Советский Союз. На запад, за рубеж, дорога открыта всегда, но тесен, мал железный путь нашей нефти. По нему не протолкнуть всей нефти, какую ждут в Батуми великаны-пароходы, идущие сюда из всех гаваней Европы».

В другом, тоже забытом журнале «Стройка», примерно в те же годы поэт Борис Глебов написал:

«Далеко от баржей Костромы
Есть края без дождей и зимы.
Там земля – нефтеносный сосуд.
Губы вышек там землю сосут.
Там, где светится Биби-Эйбат, –
Труд знакомых ударных бригад.
К нам по Волге тяжелый мазут
На пузатых нефтянках везут».

У щита нефтеперегонного завода, 1936 г. (Маторин М.В.)

Писатели вообще были покладистей, мгновенно отзвываясь на приказы партии и правительства. Сказывалась, скорее всего, специфика их деятельности: «инженеры человеческих душ». Хотя энтузиазм первых пятилеток глупо отрицать. Героический труд заражал и потрясал людей.

И теперь самое время рассказать о художниках. Если, кому по праву должно принадлежать первое слово – то это азербайджанец, Таир Салахов, у которого нефть (фигурально выражаясь) с младенческого возраста в крови, как у всякого уроженца этой закавказской республики. Вот он пишет: «Баку – романтика нефтяного труда. Город связан с нефтью, с добычей нефти – меня всегда увлекала эта тема. Баку – город трудовой, он живет этим трудом, пропах и пропитался им. И нельзя иначе рисовать его... Каспий. Ушла пора, когда лишь рыбацьи сейнеры, яхты, торговые корабли бороздили море. В открытой бурной акватории на глубине шло бурение и добыча нефти. Шельфы, острова на плаву. Эти заводы на стальных сваях работают среди непредсказуемо коварной стихии. Шквальные ветры. Штормы. Рыцари труда: в негнущихся, похожих на латы робах, в массивных тяжелых сапогах. Мастера новой техники. Нефтяники. Колючая оболочка не может скрыть их сути. Простодушия, мужества, доброты. Деталь

для художника бесценная. Часто видел, как по эстакаде или платформе наперекор ветру шагает рабочий. В тяжелой горсти нежно несет розу. Кстати, цветы, и не только розы, выращивают сами нефтяники в своих садах на нашей пепельной тяжелой огненоносной земле».

А теперь по порядку скажем о художниках старшего поколения. Я не думаю, что нужно пересказывать их биографии, опишем только их соприкосновение с нефтяной темой, посмотрим, какие работы появились по итогам поездок.

Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871–1955 годы) с мужем, Сергеем Васильевичем Лебедевым (выдающимся ученым химиком) в 1916 году посетили Баку. Художник писала: «Когда мы были уже недалеко от Баку, мне вдруг показалось, глядя из окна вагона, что перед нами вдали разворачивается низкая равнина с обширной рощей кипарисов. Подъехав поближе, я увидела, что это совсем не кипарисы, а бесчисленные нефтяные вышки. Отдохнув немного, мы не удержались и в тот же день пошли смотреть Биби-Эйбат, ближайший к городу нефтяной промысел. Ну, и удивительное же зрелище представляли эти вышки! Они имели вид узких, высоких, слегка усеченных пирамид с поперечными перекладинами, делившими их на несколько этажей. Они были обшиты доверху железными листами, выкрашенными масляной краской в разные цвета: белый, желтый, темно-коричневый, красный. Каждая вышка была прикрыта колпачком – остроконечной маленькой крышей, под которой блестели один или два ярких глаза – два сквозных окошечка. Снаружи по вышке ползла вверх, иногда прямо, иногда зигзагами легкая металлическая лестница. Вышки группировались, то тесно, очень близко одна от другой, а то, отступая, разбегались в разные стороны. Они производили странное впечатление каких-то великанш, да еще разных повадок и характеров. Одни, как будто дружески беседовали между собой, чуть склонив друг к другу свои верхушки, подмигивая глазами. Другие мрачно отвернулись, третьи грозно и угрожающе насупились. Около каждой из них были низкие постройки; откуда вырывался клубами пар. Иногда черный, густой дым застилал и ел глаза. В воздухе стоял оглушающий шум, неприятный и назойливый. Грохот желонки, опускаемых в нефтяные колодца, поднятие их, шум вырывающегося пара, крик рабочих. Запах нефти и агрегатов заполняли воздух и отравляли легкие».

Другой старейший русский художник гравер, Иван Николаевич Павлов (1872–1951 годы), описывая свою жизнь, отмечал: «Вступивши в Ассоциацию художников революционной России (АХРР) еще в 1925 году, я стал одним из первых участников творческих поездок художников в индустриальные центры. Помимо непосредственного общения с рабочими и производством, передо мной и другими художниками открывались горизонты совершенно новой жизни моей родины». В 1930-х годах И.Н. Павлов совершает поездку для сбора материалов к вы-

ставке «Индустрия социализма», организованной Серго Орджоникидзе. «Как художник я взял для себя индустриальные темы (Баку, Волга и Донбасс). Поездку по Волге я совершил со своей бригадой, в которую входили А.Н. Парамонов, В.И. Соколов, М.В. Маторин, А.И. Иглин.

В Баку мы встретились с В.П. Кутузовым, который был исключительно любезен и все делал для того, чтобы жизнь и работа в этом городе «черного золота» протекали для нас самым благоприятным образом. В Баку меня чрезвычайно захватил ночной мотив, когда огромный город сверкал миллионами огней».

Для Александра Ивановича Иглина (1896–1983 годы) поездка на нефтяные промыслы имела судьбоносное значение: к нему пришла международная слава. Художник писал: «В 1936 году был в творческой командировке в городе Баку, где сделал для выставки «Индустрия социализма» первую цветную гравюру на линолеуме «Бухта Ильича», которая экспонировалась на Международной выставке в Париже, а позже эта гравюра побывала на выставках во многих странах Европы и Америки». Эта гравюра Иглина экспонировалась в Англии, Бельгии, Голландии, США, в городах СССР, имела шумный успех, была награждена золотой медалью Всемирной выставки в Париже. «В Ваших работах есть именно то, что я люблю, – немногословность и следствием этого сугубая острота впечатления. Я всегда предпочитаю гравюры с наименьшим количеством досок, когда автор поневоле должен передавать только самое характерное и существенное. Вы чувствуете сущность вещей. Вы немногими словами говорите убедительно и ясно. Лишнего и чужого у Вас нет, а все необходимое есть для полноты выражения Вашего замысла», – писала А.П. Остроумова-Лебедева Иглину.

Сегодня забытый, один из самых одиозных советских художников Федор Александрович Модоров (1890–1967 годы) в 1920-е годы «поехал в центр нефтяной промышленности в Баку и другие города Азербайджана. ...«Он жад-

но всматривался в грандиозную панораму строительных работ, пытаясь запечатлеть в своих полотнах все сколько-нибудь значительное, что поражало его либо масштабами, либо новизной. Некоторые индустриальные пейзажи написаны Модоровым с большим живописным мастерством. Особенно удалась Модорову картина «Новая керосиновая установка» (1927 год). Большая картина «Праздник коллективизации» (1929 год) является художественным обобщением обширного материала, собранного им в виде этюдов и зарисовок. Художник показал колонну передовых колхозников, зачинателей колхозного движения, вступающих в район бакинских нефтяных промыслов в день праздника коллективизации», – писал И.М. Гронский.

Великолепный художник и гравер Алексей Ильич Кравченко (1889–1940 годы) оставил своей своеобразный след в «иконографии» нефтяной отрасли. Путешествуя по СССР, записывал в дневник: «Новый образ Советской страны во всем: в типе нового человека, в быту, в искусстве, даже в пейзаже. Сама земля, перекроенная, расширенная, раскрытая, родившая МТС, колхозы, города, заводы, домны, элеваторы, стала иной. Под ветрами колышутся волнами безграничные поля колхозного хлеба, в горячем солнце Аджаристана и Абхазии гнутся отягощенные ветви деревьев – с золотыми мандаринами и желтыми яблоками. Девушки из виноградарского колхоза несут корзины с тяжелыми виноградными гроздьями. Течет нефть по артериям Баку – Батум, сильные с дымящимися трубами суда прибывают в порты, узор нефтяных вышек графичен и чист на синеве неба. Мощные гиганты-заводы увлекают нас своими монументальными формами и динамикой, своей насыщенной живописью. На нас смотрят люди, не похожие на прежних: у них другие глаза, другая улыбка, другая воля».

Игнатий Игнатьевич Ивинский (1880–1933 годы) навсегда запомнится многим людям своим знаменитым офортом «Азнефть» (1930 год). «Изображать, но не уподоб-

Бухта Ильича. Линогравюра, 1936 г. (Иглин А.И.)

Праздник на нефтепромыслах, 1928 г. (Модоров Ф.А.)

лять», – говорил художник. Его фантастический творческий путь (от «Мира искусства», итальянских серий, росписей и фресок до агитпоездов, ВХУТЕМАСа) характерен для многих людей, попавших в вихрь революции. После Октября Нивинский пытался найти свое место в искусстве. Главным в его творчестве стал офорт. Поездки «оживили» Игнатия Игнатьевича, в одном письме он сообщает: «Уже одна Волга своей необъятной ширью и бескрайними перспективами – одна Волга чего стоит!» В 1924 году художник по Волге спускается до Астрахани, до Баку он идет по Каспийскому морю. В этой поездке рождается серия офортов «Кавказские каприччо». Из письма Нивинского: «После Каспийского моря, на удивление покойного и ласкового, приятную неожиданность для меня представил Баку – город с красивой архитектурой, особенно своеобразной в старых дворах и мечетях. Какой-то Ренессанс, рассказанный турком или персом. Вы представляете, сколько можно было бы сработать хороших вещей среди этой обстановки!» И Игнатий Игнатьевич сработал. До сих пор лист 1927 года «Азнефть» мелькает во многих современных альбомах по искусству. А ведь первое, что записал, попав на производство Нивинский: «Завод красив!» Другой замечательный художник В.А. Фаворский, глядя листы «Кавказских каприччо», «...очень хвалил мои новые работы. Нашел там одновременное присутствие разных «пространств» и отзвук современности».

А большой романтик гравюры, художник Михаил Владимирович Маторин (1901– 1976 годы), воскликнувший однажды о любимом эстампе: «Какой диапазон оркестровых данных у этого способа печати! Черная и белая линия, черный и белый пунктир, тональности различных градаций... Разве обладают другие способы таким мощным оркестром графических средств»?! Он славился как

певец родного пейзажа. Но и не прошел мимо воспевания индустриализма. В командировке для выставки «Индустрия социализма» он, пораженный величием бакинских нефтяных промыслов, создает линогравюру «У щита нефтеперегонного завода», напечатанную большим тиражом и имевшую большую популярность у советских граждан, интересовавшихся искусством.

Петр Николаевич Староносос (1893–1942 годы), тонко чувствовавший время, создал гравюру – портрет нового героя. Это девушка первой сталинской пятилетки, для которой не существует преград, нет ничего невозможного, это новый тип советского человека, оптимистично переносящего любую трагедию. А в другой гравюре Староносос сумел воспеть советскую индустриализацию, в том числе и нефтяную промышленность (посмотрите на нефтеналивные суда), создав графический гимн СССР. О нем, созвучно времени, в 1930-х года написал известный искусствовед М.П. Сокольников: «Творческий путь Старонососа далеко еще не закончен. Этот бодрый, жизнерадостный художник полон исканий. Энергичный, кипучий, весь в борьбе, быстро растущий политически, он заслуживает безусловного внимания». А сам он всегда оставался до предела критичен по отношению к себе самому, как иначе трактовать его слова: «Выступление на выставке убедило меня в большой, почти полной неподготовленности».

В 1931 году в своем дневнике Георгий Александрович Ечеистов (1897–1946 годы) записал: «Человек в искусстве живет так же, как и в жизни. Вернее: в практике искусства так же, как в практике жизни. Поэтому к искусству приложимы все формы мировоззрения и философские направления». Ечеистов не был избалован жизнью. Но не роптал. Лирик, он, как и вся страна и коллеги по искусству, вынужден был дать свой отклик на происхо-

дащее. О. Бескин отмечал, что записные книжки Ечеистова (относящиеся к 1930-м годам) «пестря не только рисунками, но и подробными записями о вагоностроительном заводе в Луганске, донбасский угольных шахтах, азербайджанских нефтяных и рыбных промыслах, о скотоводстве в Калмыкии. Художник был горячим и отзывчивым современником своей эпохи». Нечто подобное мы начинаем переживать и в наши дни. Как-то приходится реагировать на вокруг происходящее.

Виктор Сергеевич Бибииков (1903–1973 годы). Уроженец подмосковного села Душеново. Учился в АХРе. Но главной школой для него стали занятия в «теремке» И.Н. Павлова в Замоскворечье. Искусствовед И.Г. Халтурин описывал первые успехи (а они были «нефтяные») молодого гравера: «Бурный темп, романтика и пафос новой жизни, рождаемой человеческим трудом, захватывают Бибиикова, как и многих других художников, писателей, поэтов. В 1934 году художник начинает работу над первой своей крупной серией гравюр «Нефть плывет». По его замыслу листы этой серии, связанные одной сюжетной линией – рассказом о перевозке нефти из Баку в Ленинград, – должны были развернуть перед зрителем картину трудовых будней страны. Работа над серией длилась довольно долго. На караване медлительных барж-нефтянок художник проделал большой и долгий путь сначала из Баку по Каспийскому морю, затем по Волге, Мариинской системе, по Неве, до Ленинграда. Сотни набросков, рисунков и акварелей были сделаны им во время путешествия». Серия «нефтяных» листов удалась художнику. Эпоха кипела, бурлила, не каждый мог оказаться «созвучным» времени. Виктор Сергеевич (не в ущерб своему таланту) попал в списке популярных и актуальных мастеров советской графики.

Елизавета Сергеевна Кругликова (1865–1941 годы). Известный художник-график, автор замечательных офортов и знаменитых «кругликовских» силуэтов. Однажды она выразила свое творческое кредо, сказав: «Я стремилась внушать людям любовь к офорту, и, кажется, мало кто не интересуется этим теперь». С конца 1920-х годов в творчестве Елизаветы Сергеевны все чаще появляется тема индустриализации. Но, как заметил искусствовед С.С. Перерве: «в работах мы видим не интерес к станкам, механизмам, машинам, как это бывало у некоторых художников, а промышленный пейзаж. Ей удается найти красоту там, где все пропитано нефтью, где вместо леса и деревьев поднимается лес нефтяных вышек. Бакинская серия принадлежит к числу лучших работ Кругликовой советского периода». В 1935 году Кругликова едет в Азербайджан, посещает Баку, привезя целую серию моноптий и офортов: «Промысла», «Сураханы. Промысла близ Баку» (1930), «Сураханы» (1931), «Баку. Черный город» (1933) «Белый город Баку», «Азнефть» (1934).

Шли годы, открывались новые месторождения, осваивалась Западная Сибирь, Бакинские нефтепромысла те-

ряли свою притягательность, все больше и больше появлялось работ молодых художников, воспевавших отрасль, но, признаться, по художественному уровню их работы не дотягивали до картин, гравюр, офортов и рисунков. Не деньги, не номенклатурные и карьерные планы увлекали художников, а привлекало что-то необъяснимое, созвучное эпохе, что требовало разобраться и понять, они ехали на нефтяные промыслы, чтобы ответить на главный для себя вопрос: жива Россия? А в пути находили новые темы, героев, кто-то обретал второе дыхание.

Но каждому времени нужны свои герои. Наступали другие времена. И в 1972 году уже Владимир Семенович Высоцкий пишет о тюменской нефти. ❏

«И бил фонтан и рассыпался искрами,
При свете их я Бога увидал:
По пояс голый, он с двумя канистрами
Холодный душ из нефти принимал».

Индустрия. Ксилография, 1934-1936 гг. (Староносков П.Н.)